

Фу Гэ рассеянно смотрел на ладонь Ци Ханя, будто не мог понять, что именно перед ним.

Его взгляд блуждал по тонким шрамам, пересекающимся на коже, по белым бинтам, пропитанным кровью, и по предплечьям, что стали такими худыми, что казалось, будто они вот-вот переломятся.

А потом он поднял глаза и встретился с его взглядом: глубокие, запавшие алые глаза, в которых отражалась такая боль и отчаяние, что на мгновение показалось, будто перед ним стоит призрак.

Фу Гэ вдруг осознал, что от того Ци Ханя, которого он знал когда-то, не осталось почти ничего.

В семнадцать-восемнадцать лет Ци Хань был на пике.

Он всегда играл в баскетбол на площадке в лучах закатного солнца. Золотистые лучи ложились на его плечи, и казалось, будто он сам светится изнутри. Каждая капля пота отражала солнечные блики, придавая ему вид какого-то неукротимого, беззаботного божества.

Его наследственность, сильная и благородная, делала его прирождённым лидером. В нём сочетались отцовская мягкость и учтивость с юношеской дерзостью и неутомимой энергией. В глубине его глаз иногда мелькала еле заметная тоска, остатки не самого счастливого детства.

Одного взгляда на такого альфу было достаточно, чтобы маленький художник потерял голову.

И не только он. В старшей школе Фу Гэ был далеко не единственным, кто был очарован Ци Ханем.

Баскетбольная площадка всегда была забита до отказа, когда он там играл. В перерывах девушки стайками тянулись к нему с водой и полотенцами, но Ци Хань холодно отказывал всем и каждому.

Он лишь пересекал площадку, не замечая никого, и устремлялся напрямик к Фу Гэ, как будто тот был его единственным светом.

Он легко поднимал своего невысокого художника на руки, усаживая его на сгиб локтя, как ребёнка, и, сияя от счастья, спрашивал:

— Фу Гэ, я был крут? — в голосе сквозила такая нетерпеливая радость, будто он ждал похвалы больше всего на свете.

Фу Гэ, весь перепачканный его потом, с растрёпанным свитером, обвивал его шею руками и, смеясь, отвечал:

— Ахань такой крутой, что мне хочется тебя...

И после этих слов большой мальчишка, краснея до ушей, начинал яростно тереться о его плечо, как огромная золотистая собака:

— Аааа, гэ! Если бы тут не было столько людей, я бы точно зацеловал тебя до слёз!

Фу Гэ усмехался, тянул его за ухо и ворчал:

— Ты такой пошлый.

— А я не могу сдержаться, когда вижу тебя! — хныкал Ци Хань, уткнувшись носом ему в шею.

Пять лет прошло. Всё изменилось до неузнаваемости.

Тот кошмар разрушил не только Фу Гэ. Он сломал и того мальчишку, который так долго выкарабкивался из бездны, и в итоге рухнул обратно.

Пять долгих минут в комнате стояла мёртвая тишина.

Ци Хань не шевелился, будто боялся спугнуть эту тишину, а потом нерешительно сжал пальцы в ладони и, почти неслышно, спросил:

— Я могу их забрать?

Фу Гэ отвёл взгляд, глаза чуть дрогнули, и он неохотно кивнул, признавая его право.

И этого одного движения было достаточно, чтобы у Ци Ханя внутри что-то оборвалось.

Он осторожно, будто прикосновение могло всё разрушить, поднёс кольца к губам, закрыл глаза и тихо, почти беззвучно прошептал:

— Спасибо.

Ци Хань едва не расплакался от счастья, крепко сжимая в ладони два разъединённых кольца.

— На бриллианте всего одна маленькая трещина. Я завтра найду кого-нибудь, кто вставит его обратно.

Фу Гэ смотрел на него, как тот прижимал кольца к груди, будто это были не куски металла, а сокровища невероятной ценности. В груди что-то болезненно сжалось, и прежде чем он успел понять, что делает, с губ сами собой сорвались слова:

— Я могу вставить.

Ци Хань замер на месте, почти не дыша, и на миг показалось, будто он ослышался.

— Брат... ты... ты хочешь сам вставить?

— Забудь, делай что хочешь, сам иди ищи. — Фу Гэ тут же отвернулся, но голос его звучал так глухо, что это больше походило на обиженное бурчание.

— Нет, нет, не забуду! — Ци Хань резко опустился на корточки у кровати, почти машинально перехватив его руку. Ладони сомкнулись, и от этого тепла оба невольно замерли.

— Я не доверю это никому другому. Пожалуйста, гэ, вставь его сам.

Фу Гэ молчал, и Ци Хань посчитал это согласием.

— Спи, я не буду тебе больше мешать. — Он осторожно поправил одеяло, убирая выбившуюся прядь волос с лица.

Фу Гэ не мог ничего сказать, будто язык прилип к небу. Он натянуто отвернулся, зарывшись в подушку так, что торчал только круглый затылок, который, казалось, выражал самое искреннее недовольство.

Ци Ханю показалось, что это было ужасно мило. Он не мог отвести глаз, пока не убедился, что дыхание Фу Гэ стало ровным и глубоким.

Только тогда он осторожно развернул его на спину, аккуратно, чтобы не задеть повязки.

— У тебя рана на руке. Не ложись на неё. — пробормотал он, почти неслышно.

Потом он вырвал листок бумаги, аккуратно завернул в него кольца и быстро нарисовал маленького медвежонка с горшком мёда.

Когда-то Фу Гэ любил ставить на своих вещах такие простые, забавные пометки, называя это “штампиками”. У каждого близкого ему человека был свой знак: у учителя рисования — человечек с растрёпанной головой, у однокурсницы — цветной камелии, даже на баночках с кормом для уличных кошек Фу Гэ рисовал лапки.

А для Ци Ханя, своего маленького мистера Медведя, он нарисовал медвежонка с горшком мёда.

— Штампик для брата готов. — пробормотал он и тихо добавил, глядя на мирно спящего Фу Гэ:
— Значит, кольца теперь мои, ты уже не сможешь их забрать.

Он выключил ночник и наклонился, чтобы оставить лёгкий поцелуй на тёмных волосах:

— Спокойной ночи, малыш. Завтра я принесу тебе картошку фри.

На следующее утро Фу Гэ проспал дольше обычного. Когда он открыл глаза, завтрак уже стоял на тумбочке: ароматная рисовая каша с морепродуктами, прозрачные креветочные пельмени, мягкие паровые булочки и целая тарелка только что жареной картошки фри.

Едва проснувшись, Фу Гэ мутно посмотрел на картошку, потом — на одностороннее стекло на стене. Не говоря ни слова, он ткнул пальцем в тарелку и с явным отвращением её оттолкнул.

Ци Хань, притаившийся снаружи, не удержался и тихо засмеялся:

— Если не будешь есть, я всё заберу. Я с диетологом целый час спорил, чтобы тебе разрешили хоть раз её поесть.

Фу Гэ, как назло, упорно делал вид, что не слышит. Он ел всё остальное: и пельмени, и булочки, и даже рис, но к картошке фри не притронулся.

Более того, каждый раз, когда тянулся за следующим пельменем, с явной неприязнью тыкал пальцем в тарелку с картошкой, отодвигая её всё дальше и дальше, будто та была чем-то мерзким.

Ци Хань, наблюдая за этим через стекло, едва не сорвался внутрь, чтобы сам подержать тарелку.

— Ладно, ладно, не трогай, я сам заберу... — почти неслышно пробормотал он, пытаясь не рассмеяться вслух.

Фу Гэ с явно надутым видом снова ткнул картошку, и на этот раз отодвинул её чуть ли не до края стола.

Ци Хань смотрел на это с такой нежностью, что в глазах почти щипало от непролитых слёз.

— Да хватит уже, ещё чуть-чуть — и тарелка улетит. Не любишь меня — окей, вымещай злобу

на мне, но какого чёрта картошка тебе сделала?

Фу Гэ, конечно, его не слышал. И всё же, когда тарелка окончательно накренилась, он рефлекторно перехватил её в последний момент, а потом, оглядываясь, будто совершая преступление, быстрым движением стащил одну картошку.

А потом — ещё одну.

И понеслось.

Он демонстративно морщился, показывая своё презрение, но при этом методично перетаскивал картошку в рот, пережёвывая с набитыми щеками, как довольный, но немного виноватый хомяк, устроивший набег на чужие запасы. Когда рука нащупала пустую тарелку, он вдруг осознал, что умял всё до последней крошки.

И тут же дверь отворилась, и в палату вошёл врач, проверяющий состояние. Увидев пустую тарелку, он приподнял брови:

— Ого, смотрю, сегодня аппетит неплохой. Что это было? Надо записать, пусть диетолог добавит в рацион.

Фу Гэ мгновенно покраснел до самых ушей, беспомощно пряча взгляд:

— Э-э... это ведь не обязательно записывать... Я... Я вообще каждый день почти одно и то же ем...

— Одно и то же? Ты раньше клювал одни зёрна, как воробей! Ты мне только не говори, что опять таскал тяжёлую и острую еду! — Доктор сузил глаза, подозрительно глядя.

— Н-нет! — буркнул Фу Гэ, зарывшись в одеяло. — Это... картошка фри.

— Картошка фри?! Картошку фри точно нельзя! — Врач округлил глаза, как будто его только что огрели по голове. — Во-первых, это крахмал, во-вторых, это же жареное. Кто тебе это притащил? Опять твой опекун, да?!

Доктор явно когда-то работал с детьми, потому что голос у него был такой возмущённо-поучительный, что даже взрослого заставил бы покраснеть.

— Я вот просто поражаюсь, родственники совсем не думают, что делают. Ребёнок ещё маленький, за питанием следить надо! А взрослые вместо этого всякую гадость ему таскают!

На весь этаж моментально разлетелась новость, что Фу Гэ не только таскал картошку фри, но и попался на месте преступления.

Фу Гэ покраснел до корней волос и почти захлебнулся от возмущения:

— Н-не ребёнок я, доктор, мне уже за двадцать, мне не нужны родственники, чтобы...

— Ага, не нужны! А кто тогда тебе притащил сюда эту вредную еду, а?

“Родственник”, что всё это время развлекался за стеклом, наконец лениво двинулся к двери, не скрывая довольного выражения. Его взгляд медленно скользнул по покрасневшему Фу Гэ, а потом он с притворной упрёком обернулся к врачу:

— Да хватит уже, доктор. Он же мечтал об этой картошке уже несколько дней, ну поел он чуть-чуть, ничего страшного.

Врач мгновенно закатил глаза:

— Ах, председатель Ци, я смотрю, вы уже совсем поправились, да?

И не успел он договорить, как на него тут же уставились алые, беспощадные глаза. Ци Хань слегка прищурился, на губах играла кривая, почти насмешливая улыбка, и даже в таком измождённом состоянии его аура была такой пугающей, что доктору моментально захотелось спрятаться под ближайшую койку.

— Я... председатель, я... — врач мгновенно побледнел, понимая, что язык его явно завёл не туда.

Ци Хань чуть кивнул на дверь:

— Пойдёмте, доктор. Проверьте других пациентов.

Доктор тут же нырнул в коридор, и едва шаги стихли, как Фу Гэ, красный как мак, захлопнул глаза, не зная, что сделать с внезапно обрушившимся на него смущением.

Ци Хань смотрел на это с такой нежностью, что едва сдерживался, чтобы не ухмыльнуться. Голос его звучал мягко, почти ласково:

— Ты наелся?

Фу Гэ молча отвернулся, прижимая к себе одеяло, уши горели так, что казалось, они сейчас

задымятся.

— В маленькой кухне ещё осталась картошка фри. Хочешь, я потихоньку принесу? А соус будешь?

Фу Гэ с явной злостью дёрнул маленькую шторку, закрываясь от Ци Ханя, и рявкнул:

— Уходи!

Ци Хань, прислонившись к двери, тихо рассмеялся:

— Бессовестный. А кто это только что спас тебя от доктора, а?

Похоже, после того, как он отдал тот самый USB-накопитель, отношение Фу Гэ стало понемногу меняться.

Человек, который столько лет терпел одну боль, стоило ему попробовать хоть немного сладкого, цеплялся за это обеими руками. Ци Хань пытался не думать о том, что могло быть другой причиной. Полностью игнорировал тот факт, что как раз в ту самую ночь дозировка феромонов была увеличена впервые.

После обеда Фу Гэ прошёл все осмотры и ненадолго вышел погулять в сад на первом этаже.

И там он снова наткнулся на того самого мальчишку.

Тот был одет в ярко-красный свитер, на голове — зелёная вязаная шапочка, так что издали он выглядел как перезревшая клубника, упавшая в траву.

Фу Гэ не удержался, подошёл ближе и аккуратно постучал по его плечу:

— Ты чего тут сидишь?

Мальчишка вздрогнул и всхлипнул, плечи его вздрагивали, а глаза были полны слёз:

— Я... я просто... я днём спал... и... и мне снилось что-то хорошее... я... я описался... и альбом весь мокрый... стыдно говорить...

Мальчишка скорчил гримасу, и по щекам тут же покатились крупные слёзы.

— Эй, ну не плачь, не плачь... Это ведь уже прошло... — Фу Гэ застыл в растерянности, не зная,

как успокоить ребёнка. — Ну подумаешь, обмочил кровать, ничего страшного. Хотя, конечно, в твоём возрасте такое случается уже реже...

Услышав это, мальчишка разрыдался ещё сильнее, его вопли были оглушительными:

— У-у-у, только я один ещё писаюсь в кровать!..

Он выглядел так жалко и смущённо, что было даже немного смешно. Фу Гэ не удержался и тихонько фыркнул. Мальчишка тут же ощутил, как небо рухнуло ему на голову:

— Даже брат смеётся надо мной... У-у-у!..

Глаза этого пятилетнего мальчишки были словно неиссякаемый кран: как только начинал плакать, остановить его было невозможно. А ещё этот детский плач словно шёл с эхо-эффектом. К тому моменту, когда подошёл Ци Чуань, Фу Гэ уже сам был готов разрыдаться от отчаяния.

— Ты что, даже с малышкой не справляешься? — лениво протянул Ци Чуань, подбирая валяющийся на траве альбом и лениво пролистывая страницы.

— Логично же: раз он промочил рисунки, почему бы тебе не помочь и не восстановить их?

Фу Гэ поднял на него взгляд:

— Странно видеть вас днём, господин Ци. Обычно сбор феромонов проводится утром.

Ци Чуань легонько потряс пакетиком в руке:

— Пришёл передать кое-что ребёнку.

Фу Гэ не знал, что под «ребёнком» имелся в виду Чэнь Син, но расспрашивать не стал. Лишь покачал головой:

— Я плохо рисую. Если попробую исправить, только испорчу.

Сердечко, которое мальчишка ему нарисовал, уже превратилось в месиво из краски, и Фу Гэ с тех пор не рисковал снова брать в руки кисть.

Ци Чуань долго молчал, глядя на него, а потом вдруг улыбнулся:

— Скромничаешь. Ты ведь любимый ученик старшего мистера Ци. Если ты не можешь рисовать, то тогда уже никто не сможет.

— Мистер Ци знаком с моим учителем? Ах да, верно... Ваша фамилия ведь тоже Ци... Значит, он вам... — Фу Гэ вдруг осенило.

— Дедушка, — с лёгкой усмешкой подтвердил Ци Чуань. — Картина «Красноклювая птица», которую ты нарисовал в восемнадцать, до сих пор висит в гостиной нашего дома, на центральной стене. Он всем её показывает и хвалится.

Глаза Фу Гэ невольно налились теплом:

— Учитель... Он ведь ещё...

Тем летом, сразу после выпуска из школы, Фу Гэ провёл полтора месяца в летнем лагере при академии искусств, посещая занятия профессора Ци.

Старший мистер Ци больше всего ценил в его работах ту особую напряжённую красоту, что рождалась от столкновения чистоты и пыла. Настолько, что после летнего курса чуть было не затащил его в академию, грозился даже сделать Фу Гэ своим приёмным внуком.

Люди, которых связало искусство, всегда любят искренне.

— Ты ведь обещал поступить в академию и стать его учеником. — Голос Ци Чуаня был холоден и чётко, как острая кромка ножа. — Он заранее подготовил для тебя именную бирку на чайный столик, а время подачи документов отложил на целых два месяца, несмотря на давление. А ты так и не пришёл.

Ци Чуань сидел на траве, его челюсть была напряжена.

— Прошло уже пять лет. Ты не явился, прислал только пожертвование. Так скажи, кто должен получить ту именную бирку?

Фу Гэ чувствовал, как горячие слёзы обжигают уголки глаз. Стыд, горечь, бессилие и ненависть разом вспыхнули в груди.

— Я хотел пойти, но не посмел показаться учителю... Я больше не могу рисовать... даже кисть в руках удержать не могу...

Разве он не мечтал о будущем? Разве кто-то из юношей, полных надежд и дерзости, способен смириться с серой обыденностью?

Его «Красноклювая птица» была всего лишь порывом, минутной прихотью во время летнего лагеря. Но тогда старший мистер Ци, молча стоявший за его спиной, посмотрел на законченную работу и сказал:

— Этот мальчик станет моим преемником.

Сотни и тысячи студентов мечтали о такой похвале от одного из самых признанных мастеров живописи в стране и за её пределами. Но только Фу Гэ удостоился этих слов.

Даже если бы маленький бета был скромн и сдержан, как он ни пытался это скрыть, в глубине души всё равно теплилась гордость. Он грезил о будущем, полном красок и света.

Живопись и семья — вот всё, о чём мечтал восемнадцатилетний Фу Гэ. Но эти мечты были уничтожены Ци Ханем в тот злополучный, тёмный, безнадежный полумесяц.

Как же ему было не ненавидеть?

— Почему ты не можешь рисовать? — тихо спросил Ци Чуань, устремив взгляд куда-то вдаль. Его голос был спокойным. — Ты ведь видишь. Руки у тебя по-прежнему крепкие. Ты не можешь рисовать только потому, что считаешь свои страхи важнее своей любви к искусству. Сяо Гэ, ты наказываешь не его. Ты наказываешь самого себя.

— Ты... Ты знаешь обо мне всё это? Мистер Ци, мы что, раньше уже...

— Ты сам вспомнишь. — Ци Чуань вынул ручку и вложил её в ладонь Фу Гэ. — Нарисуй что-нибудь для меня. В качестве благодарности за брошь.

— Нет, я не могу... — Фу Гэ тут же отдернул руку.

Но Ци Чуань мягко поддержал его запястье кончиками пальцев и сказал:

— Не волнуйся. Я помогу тебе.

Спустя пять лет Фу Гэ впервые смог завершить рисунок. Пусть это была всего лишь простенькая карикатура, да и линии вышли кривыми, но он всё равно бережно провёл пальцами по листу, не зная, как отблагодарить Ци Чуаня.

— Вы... вы спасли меня. И тело, и душу, — тихо сказал он.

Ци Чуань мягко убрал прядь волос за его ухо и произнёс:

— Главное, чтобы ты быстрее поправился.

Он аккуратно снял лист с блокнота:

— Тогда я заберу этот рисунок себе.

Но не успел он договорить, как чья-то рука резко схватила его за запястье. В лицо ударил яростный запах альфа-феромонов, заставляя сердце биться чаще. В глазах Ци Ханя сверкала зловещая краснота.

— Что это вы тут делаете? — прошипел он.

На лбу у Ци Чуаня выступил пот. Он сжал губы, пытаясь высвободиться, и, тяжело дыша, всё же ответил:

— Сяо Гэ рисовал для меня.

— Сяо Гэ? Как мило, — Ци Хань почти рычал, его лицо исказила злость. Но стоило ему бросить взгляд на рисунок, как внутри будто что-то взорвалось.

На листе был нарисован медвежонок с горшком мёда.

Его медвежонок. Тот самый, что всегда ассоциировался только с ним.

— Ты это нарисовал? Для него? — Он судорожно пытался вернуть себе самообладание, но в глазах бушевала ярость.

Фу Гэ даже не взглянул на него. Спокойно обернулся к Ци Чуаню:

— Мистер Ци, вам лучше пойти. Я как-нибудь зайду к вам в гости навестить учителя.

— Ты ещё и собираешься к нему домой? — В голосе Ци Ханя сорвалась последняя нота терпения. Он резко развернулся, навалился на плечо Ци Чуаня, пытаясь вырвать у него лист.

— Осторожно! — Фу Гэ в страхе вскрикнул, но было уже поздно.

Они оба дёрнули за уголок, и с оглушительным треском лист разорвался пополам.

Рука Фу Гэ замерла в воздухе. Он только и мог смотреть, как рисунок разрывается на две части.

— Пять лет... Пять лет, и это всё, что я смог нарисовать... — хрипло выдохнул он.

— Пр-прости... — Ци Хань мгновенно запаниковал. Он судорожно схватил обрывки, пытаюсь сложить их обратно. — Я... я сейчас склею! Правда, не расстраивайся, я всё почию...

— Склеишь? — Фу Гэ коротко усмехнулся, его глаза, налитые болью и яростью, обожгли Ци Ханя. — Есть вещи, которые не склеишь. Они навсегда останутся разбитыми.

Ци Хань почувствовал, как внутри расплзается холодная пустота, словно кто-то проделал дыру в самом сердце. Паника и страх окатили его с головой.

— Г-ге... не говори так...

Фу Гэ отвернулся, холодно попрощавшись с Ци Чуанем. А когда тот ушёл, бросил Ци Ханю:

— Кольца готовы.

— Г-готовы... Спасибо, ге... — Ци Хань сбивчиво кивнул, едва успевая за ним, и поплёлся следом в палату. Он ошеломлённо смотрел, как Фу Гэ достаёт из ящика два кольца и кладёт их на стол.

Но в следующую секунду Фу Гэ молча берёт лежавший рядом молоток, и — «бах!» — одним быстрым ударом разносит их в щепки. Осколки бриллиантов, сверкая, разлетаются во все стороны, некоторые царапают застывшее лицо Ци Ханя.

Фу Гэ бросает молоток, равнодушно бросая:

— Забирай.